

ЭФФЕКТИВНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ ДОКТРИНЫ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФУНКЦИЙ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Доктрина уголовно-процессуальных функций является одной из наиболее противоречивых, а потому дискуссионных в теории российского уголовного судопроизводства. В статье рассмотрены критические подходы ученых-процессуалистов к существующей системе процессуальных функций, а также одно из последних предложенных в науке уголовно-процессуального права учений о функциях. В результате автором сделан вывод об отсутствии в науке уголовного процесса завершенной, непротиворечивой, общепризнанной доктрины процессуальных функций.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, уголовный процесс, уголовно-процессуальные функции, обвинение, защита, разрешение дела по существу, состязательность, учение о функциях

R.V. Maziuk

THE EFFICIENCY OF THE MODERN DOCTRINE PROCEDURAL FUNCTIONS IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS

The doctrine of criminal procedure of functions is one of the most controversial and yet the discussion in the theory of the Russian criminal proceedings. The article considers the critical approaches scientists scientists to the existing system of procedural functions, and one of the latest proposed in the science of criminal procedure law of the doctrines of functions. In the result, the author makes the conclusion about the absence in the science of criminal process is complete, consistent, universally accepted doctrine of procedural functions.

Keywords: criminal justice, criminal procedure, criminal procedure functions, prosecution, protection, resolution of the dispute, controversy, the doctrine of functions.

Российское уголовное судопроизводство провозглашено состязательным (ст. 15 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)). Однако содержание УПК РФ свидетельствует об искаженной реализации принципа состязательности, о его неполном воплощении на отдельных стадиях уголовного процесса. Это в свою очередь влечет неравноправие сторон уголовного судопроизводства и дисбаланс функциональных возможностей его участников, имеющих законные интересы при производстве по уголовному делу.

В системе процессуальных отраслей российского права, каждая из которых основывается на принципе состязательности, уголовно-процессуальное право в наименьшей степени реализует данный принцип, особенно на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Смешанная *de facto* модель российского уголовного судопроизводства с обвинительным уклоном на стадиях досудебного производства по уголовному делу является не просто законодательным противоречием, научным тупиком, но она подрывает общественную веру в состязательность российского уголовного процесса, авторитет судебной власти и доверие к правоохранительной системе государства в целом.

Как представляется, производство по уголовному делу, имеющее гораздо более сложную структуру, чем производство по гражданскому или арбитражному делу, не может полностью основываться на едином функциональном подходе с указанными видами процессуальных отраслей права. Поскольку уголовное судопроизводство является публичной отраслью права и призвано обеспечивать, прежде всего, государственные и общественные интересы, то и система его функций не должна сводиться к концепции древнего обвинительного процесса «обвинитель-обвиняемый» («истец-ответчик»), которая была ориентирована на защиту исключительно частных интересов отдельной личности.

Доктрина уголовно-процессуальных функций является одной из наиболее противоречивых, а потому дискуссионных в теории российского уголовного судопроизводства. В.В. Шимановский еще в 1965 году писал, что «среди сторонников концепции уголовно-процессуальных функций отсутствует совпадение точек зрения по целому ряду существенных моментов, например, о самом понятии процессуальных функций, об их сущности, о количестве их в уголовном судопроизводстве и т. п. Более того, в понятие даже одноименных функций (функция обвинения, уголовного преследования) разные авторы нередко вкладывают различное содержание» [7, с. 175]. Не останавливаясь на многообразии мнений относительно понятия уголовно-процессуальной функции, необходимо указать, что господствующим подходом к определению функции в науке уголовного процесса является ее рассмотрение как основного направления уголовно-процессуальной деятельности [5, с. 5–23].

Незначительное снижение научного интереса к данной проблеме обусловлено тем, что законодатель в новой модели уголовного судопроизводства в УПК РФ отразил простейшую и идеализированную концепцию трех уголовно-процессуальных функций: функции обвинения, функции защиты и функции разрешения дела по существу. Как справедливо отмечает Л.В. Головкин, «теория функций», прежде имевшая важное, но сугубо доктринальное значение, ныне четко и недвусмысленно закреплена в законе, став основой основ современной российской процессуальной техники. Многолетней общественной полемике в литературе о понятиях и видах уголовно-процессуальных функций положен конец, поскольку законодатель, избрав один из возможных вариантов решения известной доктринальной проблемы, взял на себя роль своеобразного арбитра в давнем научном споре» [3, с. 51]. Представляется, что законодательная модель уголовно-процессуальных функций является упрощенной, а потому подлежит пересмотру.

Нельзя не согласиться в этой связи с мнением Л.В. Головки о том, что закрепленная в ст. 15 российского УПК «концепция разграничения процессуальных функций» есть не более чем частная научная теория, не только не являющаяся в правоведении аксиомой, но даже не могущая претендовать на роль универсальной научной теории. Рассмотрев несколько примеров противоречий в действующем УПК РФ (Например, решение следователя или прокурора (органов обвинения по новому УПК РФ) о прекращении уголовного дела не есть форма разрешения уголовного дела? Или соби́рание следователем доказательств (причем *ex officio*), свидетельствующих об обстоятельствах, смягчающих наказание, исключающих преступность деяния и т. д., не есть реализация процессуальной функции защиты или хотя бы элемент этой функции?), автор приходит к выводу, что «знаменитая «триада процессуальных функций», будучи превосходным достижением абстрактного метода в процессуальной науке и замечательно чувствуя себя на страницах учебников, где она помогает начинающим изучать уголовное судопроизводство студентам освоить процессуальную материю, никак не годится для конструирования конкретных институтов в том типе процесса, к которому принадлежит процесс отечественный» [3, с. 54–55].

Это в свою очередь влечет нелогичность и непоследовательность в реализации законодательного регулирования процессуального статуса отдельных участников уголовного судопроизводства, невозможность полноценного использования ими своих прав и в итоге снижение эффективности уголовного судопроизводства, невозможность реализации им своего назначения.

Критика концепции «трех процессуальных функций», между тем, не приобрела всеобщий характер, а встречается в работах отдельных процессуалистов. Так, М. Кирсанов логично отмечает, что «неопределенность в понятии и содержании уголовно-процессуальных функций влечет за собой попытки свести назначение отдельных органов и лиц, участвующих в уголовном процессе, к односторонней деятельности, без учета их роли в государстве в целом. Особенно эти тенденции проявились в отношении прокуратуры России, когда в проектах уголовно-процессуального законодательства появлялись предложения по отнесению прокуратуры исключительно к категории органов уголовного преследования» [4, с. 42].

В свою очередь И.Ю. Таричко приходит к выводу о том, что «можно констатировать наличие в уголовно-процессуальной науке полноценной теории уголовно-процессуальных функций. Вместе с тем, несмотря на неослабевающий интерес ученых к одноименной уголовно-процессуальной сфере, отмечаем отсутствие исследований, направленных на дальнейшее развитие данной теории в контексте существенно изменившейся функционально-типологической модели уголовного процесса России. Большинство последних публикаций посвящены отдельным направлениям уголовно-процессуальной деятельности, что не дает целостной картины функционального содержания современного отечественного уголовного судопроизводства» [6, с. 66].

Ю.Ю. Воробьева полагает, что в условиях законодательного закрепления состязательности сторон «необходимо разработать такой порядок судопроизводства по уголовным делам, который бы в полной мере отвечал требованиям разде-

ления процессуальных функций обвинения, защиты и разрешения дела. В настоящее время видится два пути решения данной проблемы – наделить сторону защиты правом так называемого «параллельного расследования», либо пойти по пути французского и дореволюционного российского законодателя и ввести в процесс фигуру следственного судьи (судебного следователя)» [2, с. 13].

Таким образом, вплоть до сегодняшнего времени теория уголовно-процессуальных функций подвергалась редкой и недостаточно аргументированной критике. Преимущественно исследователи уголовного судопроизводства предлагали совершенствовать процессуальное положение отдельных участников со стороны обвинения и защиты, не предлагая новой концепции процессуальных функций. Авторами осуществлялись попытки предложить свои наименования отдельных функций, попытки расчленить функции на более узкие и так далее. Однако данные предложения носили исключительно теоретический характер, не были сформулированы в виде конкретных предложений по совершенствованию норм УПК РФ и, соответственно, не могли оказать влияние на практическую эффективность производства по уголовному делу.

Одним из последних научных исследований является диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук Д.М. Беровой «Основы теории функционализма в уголовном судопроизводстве», в котором предложено авторское учение о функциях. Так, следует полностью согласиться с мнением Д.М. Беровой о том, что «процедура уголовного судопроизводства, предложенная законодателем, столкнулась с теоретическим непониманием и даже отторжением отдельных процессуальных институтов, с неготовностью правоприменителя воспринять двуединое назначение уголовного процесса (с целью защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, и защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод) и состязательную форму судопроизводства, предполагающую строгое разделение уголовно-процессуальных функций на функции обвинения, защиты и правосудия. Отсутствие четких концептуальных представлений о содержании функций, осуществляемых участниками уголовного судопроизводства, привело к проблемам регулирования их процессуальной деятельности, к дисбалансу всего уголовно-процессуального регулирования» [1, с. 3–4].

Исходя из традиционного понимания уголовно-процессуальной функции как направления (вида) уголовно-процессуальной деятельности, осуществляемого уполномоченными на то субъектами и преследующего достижение определенных целей, реализующих назначение уголовного судопроизводства, Д.М. Берова предлагает выделять «общие уголовно-процессуальные функции, а также функции субъектов уголовно-процессуальной деятельности» [1, с. 14].

К общим Д.М. Берова относит три основные функции – обвинения, защиты и правосудия. При этом автором выделяются подфункции для каждой из основных функций.

Подфункциями функции обвинения являются:

1. Уголовное преследование.
2. Обвинение (в узком смысле слова).
3. Обоснование ранее предъявленного обвинения.

К подфункциям функции защиты автор относит:

1. Участие в доказывании.
2. Оспаривание (опровержение) обвинения.
3. Деятельность по защите иных прав и законных интересов подозреваемого и обвиняемого (не связанных с обвинением).

Суд, помимо основной функции правосудия, осуществляет также следующие функции:

1. Контрольную функцию.
2. Корректирующую функцию.
3. Реабилитирующую функцию.
4. Организационную функцию, которая разделяется на две подфункции – распорядительную и штрафную (карательную).
5. Превентивную (воспитательно-предупредительную) функцию.
6. Функцию по принятию мер по обеспечению возмещения вреда, причиненного преступлением, либо возможной конфискации имущества; кроме того, суд выполняет функцию обеспечения прав участников уголовного судопроизводства.

Наряду с основными в уголовном судопроизводстве, по мнению Д.М. Беровой, существует система других функций: «Прежде всего, необходимо выделить сквозную (комплексную) функцию – охрану прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве. ... Иные функции, выполняемые параллельно с основными, можно отнести к категории побочных. Их, в свою очередь, следует разграничить на две категории – процессуально совмещенные, то есть, выполняемые в рамках той же процедуры, например, превентивная (воспитательно-предупредительная) функция суда, и процессуально разделенные, реализуемые отдельно, в ином процессуальном порядке, как корректирующая функция суда, осуществляемая в стадии исполнения приговора. ... Среди побочных функций можно выделить категорию сменяющих функций, то есть осуществляемых после завершения основной, например, упомянутая корректирующая функция суда, которая осуществляется после того, как выполнена функция правосудия и прямо с ней никак не связана. ... В числе иных побочных функций можно отметить принятие мер по обеспечению вреда, причиненного преступлением, либо возможной конфискации имущества, организационную функцию и другие. ... Кроме побочных функций можно выделить еще вспомогательные – выполняемые иными участниками уголовного судопроизводства (свидетель, эксперт и др.)» [1, с. 16–17].

Предложенная Д.М. Беровой система функций, безусловно, представляет результат длительного, глубокого и скрупулезного исследования, отражающего все существующие на сегодняшний день мнения и теории об уголовно-процессуальных функциях. Однако думается, эта система не отражает главной особенности современного уголовного судопроизводства – диспропорционализма в реализации функций обвинения и защиты на различных стадиях уголовного судопроизводства. Более того, автором не отражена специфика реализации уголовно-процессуальных функций при особых производствах по уголовному делу, в частности, при особых порядках судебного разбирательства.

Очевидно, что функции как сторон уголовного судопроизводства, так и суда при особых порядках судебного разбирательства видоизменяют свою векторную направленность и содержание.

Таким образом, в настоящее время едва ли можно делать вывод о существовании в уголовно-процессуальном праве завершенной, непротиворечивой, общепризнанной доктрины процессуальных функций. Как представляется, разработка современного комплексного учения о функциях в уголовном судопроизводстве должна осуществляться не только в соответствии с догматическим пониманием принципа состязательности, но и с учетом исторических закономерностей его формирования и развития в условиях отечественного уголовно-процессуального права, реальным воплощением принципа состязательности в уголовном судопроизводстве зарубежных государств, а также особенностями правовой системы, правовой культуры и правового сознания в Российской Федерации. Однако при этом новая функциональная сущность уголовного судопроизводства не должна искажать сложившейся уголовно-процессуальной формы, закрепляющей порядок собирания, проверки и оценки доказательств, применения мер процессуального принуждения, реабилитации лиц, а также всех стадий уголовного судопроизводства. Главной целью разработки концептуально новой доктрины процессуальных функций должно являться повышение эффективности уголовного судопроизводства с обеспечением максимального баланса процессуальных интересов всех участников уголовного судопроизводства, независимо от их принадлежности к той или иной стороне производства по уголовному делу.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Берова Д. М. Основы теории функционализма в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук / Д. М. Берова. – Краснодар, 2011. – 47 с.
2. Воробьева Ю. Ю. К вопросу о видах и назначении уголовно-процессуальных функций / Ю. Ю. Воробьева // Вестник ОГУ. – 2006. – № 5. – С. 11–14.
3. Головкин Л. В. Новый УПК РФ в контексте сравнительного уголовно-процессуального права / Л. В. Головкин // Государство и право. – 2002. – № 5. – С. 51–61.
4. Кирсанов М. Понятие процессуальных функций. Процессуальная функция обвинения / М. Кирсанов // Труды российских ученых. – 2008. – № 3. – С. 36–47.
5. Мотовиловкер Я. О. Основные уголовно-процессуальные функции / Я. О. Мотовиловкер. – Ярославль, 1976. – 94 с.
6. Таричко И. Ю. Теория уголовно-процессуальных функций: ретроспектива и реалии / И. Ю. Таричко // Вестник ОГУ. – 2008. – № 3. – С. 60–66.
7. Шимановский В. В. К вопросу о процессуальной функции следователя в советском уголовном процессе / В. В. Шимановский // Известия вузов. Правоведение. – 1965. – № 2. – С. 175–178.

Информация об авторе

Мазюк Роман Васильевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, д. 11, e-mail: marova@mail.ru.

Information about the author

Maziuk Roman Vasilievich – candidate of law science, associate professor of the chair of criminal procedure and prosecutor's supervision. Baikal National University of Economics and Law, Lenin st., 11, Irkutsk, 664003, e-mail: marova@mail.ru.

УДК 343.98
ББК. 404.9

З.В. Макарова

ЦЕЛЬ, СРЕДСТВА, РЕЗУЛЬТАТ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье исследуется понятие цели уголовно-процессуальной деятельности как содержания уголовного процесса, обосновывается мнение, что уголовный процесс имеет вполне определенную цель – установление истины и данная цель должна быть предусмотрена в УПК РФ. В качестве средств достижения истины в уголовном процессе рассматриваются правовые нормы и их реализация. Обращается внимание на то, что результатом уголовно-процессуальной деятельности не всегда является достижение истины. Однако такой результат будет законным, если он предусмотрен в УПК РФ.

Ключевые слова: деятельность, уголовно-процессуальная деятельность, цель, истина, нормы права, средства, результат.

Z.V. Makarova

PURPOSE, MEANS, RESULT CRIMINAL PROCEDURE ACTIVITIES

This article examines the concept of purpose criminal procedure as the content of the criminal process, substantiates the view that the criminal process has a definite goal – the establishment of truth and this target should be provided in the Code of Criminal Procedure Russian Federation. As a means of arriving at the truth in a criminal trial examines the legal rules and their implementation. Draws attention to the fact that the result of criminal procedure is not always the achievement of truth. However, such a result would be lawful if it is provided in the Code of Criminal Procedure Russian Federation.